Религіозно-философская
БИБЛІОТЕКА
Выпускъ XIX.

Церковь.

Влад. Соловьева.

Нравственная идея догмата церкви.

Архіепископа Антонія.

Печатня А.И. Снегиревой Москва.
1909.

Пров 38"

Пров 1959

ПЕЧАТНЯ А. СНЕГИРЕВОЙ
МОСКВА
ТРУДЪ
Остоженка, Савелов. п.

6004.

БИБЛИОТЕКА
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМИИ.
559
27

Церковь[1]).

Должное отношеніе между Божествомъ и природой въ человѣкѣ, достигнутое лицомъ Іисуса Христа, какъ духовнаго средоточія или главы человѣчества, должно быть-усвоено всѣмъ человѣчествомъ, какъ тѣломъ Его.

Церковь, какъ тѣло Христово. Человѣчество, возсоединенное съ своимъ Божественнымъ началомъ во Христѣ, есть *Церковь*—живое тѣло Божественнаго Логоса, воплощеннаго, т. е. исторически обособленнаго въ богочеловѣческой личности Іисуса Христа.

Это тѣло Христово, являющееся сперва какъ малый зачатокъ въ видѣ немногочисленной общины первыхъ христіанъ, мало-по-малу растетъ и развивается, чтобы въ концѣ временъ обнять собою все человѣчество и всю природу въ одномъ вселенскомъ богочеловѣческомъ организмѣ; потому что и остальная природа, по словамъ апостола, „съ надеждой ожидаетъ откровенія сыновъ Божіихъ; ибо

[1]) Заимствовано съ незначительными сокращеніями изъ „Духовныхъ основъ жизни“. Оглавленія принадлежатъ редакціи.

тварь покорилась суетѣ не добровольно, но по волѣ покорившаго ее, въ надеждѣ, что и сама тварь освобождена будетъ отъ рабства тлѣнію въ свободу славы сыновъ Божіихъ: ибо знаемъ, что вся тварь совокупно стенаетъ и мучится донынѣ“ (Рим. VIII, 19—22).

Такимъ образомъ, исходя изъ понятія Церкви, какъ тѣла Христова (не въ смыслѣ метафоры, а метафизической формулы), мы должны помнить, что это тѣло необходимо растетъ и развивается, слѣдовательно—измѣняется и совершенствуется. Какъ во Христѣ все немощное и плотское поглощено въ воскресеніи духовнаго тѣла, такъ должно быть и въ Церкви, Его вселенскомъ тѣлѣ, когда она достигнетъ своей полноты. Тогда въ ней все духовное будетъ вполнѣ воплощено, и все матеріальное вполнѣ одухотворено. Но и теперь она, какъ живое тѣло Христово, уже обладаетъ начатками будущей совершенной жизни.

Цѣль христіанской дѣятельности—исполненіе Церкви въ людяхъ, или осуществленіе царства Божія на землѣ.

Необходимость Церкви для христіанина. Для достиженія же этой цѣли — царства Божія на землѣ, можетъ ли человѣкъ, долженъ ли онъ полагаться на свои собственныя силы, на

порывы личнаго чувства, на свое индивидуальное толкованіе священныхъ текстовъ и т. д., или же онъ долженъ опереться на что-нибудь болѣе прочное, болѣе могущественное и болѣе совершенное, чѣмъ онъ самъ и ему подобные? Нужно ли отвѣчать на такой вопросъ? Пока человѣкъ остается и утверждается въ своей ограниченности и отдѣльности, въ немъ нѣтъ Бога; а чтобы выйти изъ этой ограниченности, онъ долженъ обратиться къ тому, что больше и выше, чѣмъ онъ самъ. Это большее и высшее, чѣмъ онъ самъ, человѣкъ находитъ въ Церкви со стороны ея Божественнаго основанія и формы. Все, что человѣкъ беретъ или даетъ, какъ *свое*, т. е. какъ идущее отъ него самого, есть необходимо условное и ограниченное именно потому, что оно идетъ отъ условнаго и ограниченнаго существа; напротивъ, все, что дается вселенскою Церковью, тѣмъ самымъ имѣетъ безусловную форму (форму безусловности), именно потому, что это есть не личное, а церковное, значитъ—Христово, значитъ—Божье. Царство Божіе должно быть достигнуто Божіими путями, и эти пути открываетъ намъ Церковь. Для осуществленія царства Божія на землѣ человѣку нужны: 1) истинная вѣра въ Бога; 2) праведное отно-

шеніе ко всѣмъ людямъ, и 3) цѣлесообразная власть надъ матеріальной природой.

Истинная вѣра и вселенское вѣроученіе. Но для того, чтобы имѣть истинную вѣру въ Бога, нужно находиться въ истинѣ и имѣть умъ Христовъ, а отдѣльный человѣкъ, оставаясь и утверждаясь въ своей отдѣльности, не находится въ истинѣ и ума Христова не имѣетъ: поэтому, чтобы имѣть истинную вѣру, онъ долженъ согласовать свои мысли и мнѣнія съ вѣроученіемъ Церкви, носящей умъ Христовъ; вселенская формула откровенія, именно какъ вселенская, есть безусловная форма для нашей вѣры, ручающаяся за достовѣрность того, во что мы въ ней вѣримъ, ибо и въ происхожденіи этой формулы, и въ ея принятіи нами исполняется необходимое нравственное условіе истиннаго вѣдѣнія—самоотреченіе отдѣльнаго плотскаго ума и пріобщеніе его уму Христову, т. е. Сущей Истинѣ.

Праведное отношеніе къ людямъ и апостольская іерархія. Далѣе, для праведнаго взаимоотношенія между всѣми людьми, т. е. для безусловной формы общества, нужно, чтобы въ основѣ общественной организаціи не было никакого человѣческаго произвола, а это достигается только въ іерархическомъ строѣ Церкви, гдѣ

каждый изъ ея членовъ имѣетъ свое мѣсто и исполняетъ свое назначеніе не во имя свое, а во имя пославшаго его, и весь этотъ строй прямымъ путемъ восходитъ къ источнику всякой правды, къ Христу, единому истинному (подлинному) Первосвященнику и Царю.

Власть надъ матеріальною природою и христіанскія таинства.

Наконецъ, для того, чтобы цѣлесообразно властвовать надъ матеріальной природой, преобразуя ее въ живую оболочку и среду высшихъ, духовныхъ и Божественныхъ силъ—въ тѣло Божіе, нужно человѣку въ себѣ уже имѣть начатокъ этого тѣла Божія, сѣмя новой высшей природы и жизни (тѣло духовное), а это сѣмя чистоты и свѣтлости, безусловная форма преображенной матеріи, заключается только въ тѣлѣ Христовомъ, и, только пріобщаясь ему таинственно, можемъ мы принять и въ себя этотъ зародышъ новой жизни, въ которой и къ намъ переходитъ Христова власть надъ всякою плотью. Иначе въ своей собственной извращенной природѣ, которая есть „тѣло грѣха“, мы не найдемъ никакого основанія для возстановленія свѣтлой и святой тѣлесности, а безъ этой свѣтлой и святой тѣлесности мы всегда будемъ рабами, а не владыками матеріаль-

наго міра, хотя бы къ намъ стремились духи изъ всѣхъ семи сферъ.

Итакъ, исповѣдуя соборное вселенское вѣрученіе, мы принимаемъ истину, независимую отъ человѣческаго ума; признавая Божественный авторитетъ апостольской іерархіи, мы подчиняемся такой общественной формѣ, которая не подлежитъ человѣческому произволу—подчиняемся правдѣ Божіей; наконецъ, пріобщаясь святыхъ таинствъ, мы получаемъ не зараженный нашимъ тѣломъ грѣха источникъ и нетлѣнное сѣмя новой совершенной жизни. Вообще же присоединяясь къ единой Церкви Божіей, мы исцѣляемъ и восполняемъ свое раздробленное и ограниченное существованіе всецѣлостью и полнотою Божества, свой ограниченный умъ расширяемъ до ума Христова, свою извращенную волю исправляемъ праведною волей Христовой и свою чувственную природу, рабствующую грѣху, возстановляемъ какъ духовное тѣло Христово, имущее власть надъ всякою плотью.

Святость Церкви. Мы святимся святостію Церкви, но Церковь не оскверняется нашими грѣхами, ибо ея святость не отъ насъ, а отъ Бога чрезъ Христа, и она сама не *въ* насъ, хотя и *изъ* насъ состоитъ (какъ наше

тѣло состоитъ изъ тканей и волоконъ, но сущность его не въ нихъ, а въ ихъ органическомъ сочетаніи въ формѣ одного цѣлаго). Церковь не есть только собраніе людей (вѣрующихъ), но прежде всего *то, что ихъ собираетъ*, т.-е. данная людямъ свыше существенная форма единенія, посредствомъ которой они могутъ быть причастны Божеству.

Для вѣры въ Церковь нужно самоотреченіе. Такимъ образомъ, главный религіозный вопросъ въ томъ: признаемъ ли мы независимое отъ насъ и для насъ нравственно-обязательное, сверхчеловѣческое начало и форму Божественнаго дѣйствія во вселенной—или нѣтъ? Признаніе такой сверхчеловѣческой формы въ религіи, т.-е. признаніе Церкви и подчиненіе ей, есть съ нашей стороны нравственный подвигъ самоотреченія, въ которомъ мы полагаемъ душу свою, чтобы пріобрѣсти ее. Это самоотреченіе, которое у людей простыхъ, у народа, есть какъ бы природное свойство, а для людей интеллигенціи есть дѣло весьма трудное, но тѣмъ болѣе для нихъ обязательное, потому что они въ своемъ просвѣщеніи имѣютъ болѣе умственныхъ средствъ опознать правду, —это самоотреченіе подрываетъ самый внутренній и глубокій *корень* грѣха и безумія

въ человѣкѣ; но вся наша злая и неразумная природа сразу перерождена быть не можетъ: для этого потребенъ долгій и сложный процессъ во всемъ человѣчествѣ. Поэтому, называя себя христіанами и членами Церкви Божіей, мы не имѣемъ притязанія на нравственное совершенство и праведность, мы не думаемъ, что Божество уже вполнѣ обитаетъ въ насъ, что мы уже обладаемъ Божествомъ. Такого обитанія и обладанія мы не приписываемъ, разумѣется, и особымъ служителямъ Церкви—священникамъ и епископамъ. Признавая въ нихъ богоучрежденныхъ *проводниковъ* благодатнаго дѣйствія Христова и *желая*, чтобы ихъ нравственное качество соотвѣтствовало ихъ таинственному служенію, мы не связываемъ однако самого благодатнаго дѣйствія съ ихъ личною святостію, ибо знаемъ, что сила Божія и въ немощи совершается. Нельзя смѣшивать проводниковъ съ проводимымъ, русла съ потокомъ. И въ нашемъ физическомъ тѣлѣ, для того, чтобы оно двигалось и дѣйствовало согласно нашей нравственной волѣ, необходима цѣлая система двигательныхъ нервовъ, какъ *проводниковъ* нашей воли въ матеріальный составъ тѣла. Однако никто не думаетъ, чтобы наша воля *обитала* въ самихъ этихъ нервахъ,

чтобы ихъ узлы и волокна сами по себѣ имѣли нравственную природу; напротивъ, сами по себѣ эти нервы суть такія же матеріальныя образованія, какъ и прочее тѣло. Но какъ наше нравственное дѣйствіе остается нравственнымъ и при матеріальныхъ проводникахъ, такъ точно дѣйствіе Божіе остается Божественнымъ и святымъ и при грѣшныхъ человѣческихъ проводникахъ, ибо оно самостоятельно—и только *чрезъ* нихъ, а не *отъ* нихъ идетъ.

Божественное и человѣческое въ Церкви. Церковь, Богочеловѣкомъ Христомъ основанная, имѣетъ и составъ богочеловѣческій. Но разница въ томъ, что Христосъ есть *совершенный* Богочеловѣкъ, а Церковь еще не есть совершенное Богочеловѣчество, а только совершающееся. Собственное человѣчество Христа, неразрывно соединенное въ лицѣ Его съ Божествомъ, уже достигло въ свѣтломъ Его воскресеніи прославленнаго состоянія, такъ что нынѣ въ воскресшемъ и вознесенномъ одесную Отца Сынѣ Божіемъ и Сынѣ человѣческомъ все человѣческое, оставаясь таковымъ, всячески соотвѣтствуетъ, или вполнѣ сообразно, Его Божеству, такъ что въ Немъ вся полнота Божества обитаетъ *тѣлесно*. Церковь же Христова еще не достигла про-

славленнаго состоянія, и ея человѣчество хотя и связано внутренно съ Божествомъ, но далеко еще не во всемъ Его выражаетъ и не вполнѣ Ему соотвѣтствуетъ. Церковь свята и Божественна потому, что освящена кровію Іисуса Христа и дарами Духа Святаго; то, что̀ прямо исходитъ изъ этого освящающаго Церковь начала, Божественно, непорочно и неизмѣнно; дѣла же церковныхъ людей, по человѣчеству, хотя бы и ради Церкви, исполняемыя, представляютъ нѣчто весьма относительное и далеко не совершенное, а только *совершенствующееся*. Это есть человѣческая сторона Церкви. Но за измѣнчивымъ и волнующимся потокомъ церковнаго человѣчества, пребываетъ и образуетъ самую Церковь Божію вѣчный и безконечный источникъ Божественной благодати, непрерывное дѣйствіе Святаго Духа, дающаго человѣчеству истинную жизнь во Христѣ и Богѣ. Это благодатное дѣйствіе Божіе всегда существовало въ мірѣ; но отъ воплощенія Христа оно вошло въ видимую и осязательную *форму*. Въ Церкви христіанской Божественное не есть только внутреннее, неуловимое дѣйствіе Духа, но является и въ нѣкоторой уже осуществленной формѣ, или тѣлесности. Были формы и въ Церкви ветхозавѣтной, но тамъ это были

лишь иносказательные прообразы или предзнаменованія; священныя же формы новозавѣтной Церкви суть настоящіе, подлинные образы Божественнаго присутствія и дѣйствія въ человѣчествѣ. Вслѣдствіе несовершенства человѣческихъ стихій, входящихъ въ Церковь, эти Божественныя формы являются лишь какъ начатки или залоги Божественной жизни въ человѣчествѣ, которые своей полноты должны достигнуть лишь въ Новомъ Іерусалимѣ—въ прославленномъ Богочеловѣчествѣ. Но и нынѣ этотъ Новый Іерусалимъ—градъ Бога Живаго – существуетъ не въ однихъ только помыслахъ, желаніяхъ и внутреннихъ чувствованіяхъ христіанъ: тѣ Божественныя формы Церкви, о которыхъ мы говоримъ, составляютъ уже и теперь дѣйствительные камни его основанія, на которыхъ воздвигнется и таинственно уже воздвигается непрерывно все Божественное зданіе; такъ что, хотя *не все въ видимой Церкви Божественно, но Божественное въ ней есть уже нѣчто видимое.* Эти видимые камни непоколебимы, неизмѣнны, и безъ нихъ нѣтъ Церкви.

Итакъ, прежде всего мы имѣемъ въ Церкви Божественное начало (или начатки), не какъ нѣчто только умственное или мысленное,

а въ тѣлесно-дѣйствительныхъ, видимыхъ и осязательныхъ формахъ.

Въ какихъ осязательныхъ, видимыхъ формахъ проявляется Божественное въ Церкви?

Христосъ сказалъ: *Я есмь путь, истина и жизнь.* И если Христосъ постоянно и всецѣло присущъ Церкви Своей, то Онъ присущъ ей какъ *путь, истина* и *жизнь.* Преемство іерархическое, отъ Христа идущее, есть *путь*, которымъ благодать Христова распространяется по всему тѣлу Его, т. е. Церкви; вѣра въ Богочеловѣческій догматъ, исповѣданіе Христа, какъ совершеннаго Бога и совершеннаго человѣка, есть свидѣтельство *истины* Христовой; святыя таинства суть основанія *жизни* Христовой въ насъ. Въ іерархіи Самъ Христосъ присутствуетъ какъ путь, въ исповѣданіи вѣры—какъ истина, въ таинствахъ—какъ жизнь; соединеніемъ же этихъ трехъ и образуется царство Божіе, котораго владыка есть Христосъ.

Этихъ трехъ достаточно для образованія Церкви Божіей. Общество, имѣющее правильную іерархическую преемственность отъ Христа и истинное исповѣданіе вѣры и подлинныя таинства, имѣетъ все, чтобы быть Церковью; общество, лишенное хотя бы одного изъ этихъ трехъ, не можетъ быть Церковью, что яв-

ствуетъ уже изъ тѣсной ихъ связи между собою, въ силу которой отсутствіе одного препятствуетъ дѣйствительному существованію другихъ. Такъ, отсутствіе Христовой іерархіи не только лишаетъ общество законнаго управленія и порядка въ духовныхъ дѣлахъ, но по необходимости упраздняетъ въ немъ и благодать таинствъ, совершаемыхъ священствомъ, а при такомъ отсутствіи благодатной жизни, т. е. существеннаго общенія съ Божествомъ, самое исповѣданіе вѣры становится отвлеченною и мертвою формулой. Итакъ, неразрывнымъ соединеніемъ этихъ трехъ опредѣляется сущность Церкви, какъ царствія Божія, и здѣсь должны мы найти выраженіе ея Божественности.

Исторія Церкви. Согласно евангельскому сравненію, это вселенское тѣло (царствіе Божіе) первоначально дано намъ какъ Божественное *сѣмя*. Сѣмя не есть часть или отдѣльный органъ живого тѣла; оно есть все тѣло, только въ возможности, или потенціи, т. е. въ скрытомъ для насъ состояніи, постепенно раскрывающемся. Подобно этому и Божественная форма Церкви, *сама по себѣ* (т. е. въ Богѣ) совершенная и неизмѣнная, *въ насъ* растетъ, развивается и совершенствуется, и этотъ поступательный ходъ ея явленія образуетъ исто-

рію Церкви. Но какъ невозможно сомнѣваться въ этомъ историческомъ ходѣ, такъ же достовѣрно и то, что съ самаго начала Церкви Божественная стихія ея въ тройственномъ своемъ составѣ уже дѣйствительно присутствовала въ Церкви, какъ вложенное въ нее живое сѣмя Духа Божія.

Посему, хотя въ Церкви всегда были видимыя формы Божественнаго, но сперва эти формы были очень просты и несовершенны, подобно тому, какъ видимая форма сѣмени очень проста, несовершенна и далеко несообразна полной формѣ растенія, хотя и заключаетъ въ себѣ это послѣднее потенціально. Но какъ былъ бы неразуменъ тотъ, кто, не видя въ сѣмени ни ствола и вѣтвей, ни листьевъ и цвѣтовъ, заключилъ бы, что все это потомъ лишь искусственно и извнѣ придѣлывается, а не выходитъ силою самого сѣмени, и на этомъ основаніи отвергъ бы все будущее дерево, чтобы всегда сохранять одно только голое сѣмя,—такъ же неразумно поступаетъ всякій, кто отвергаетъ болѣе сложныя, т.-е. болѣе раскрывшіяся формы благодати Божіей въ Церкви, и непремѣнно хочетъ вернуться къ образу первобытной христіанской общины.

БИБЛІОТЕКА
МОСКОВСКОЙ ДУХОВНОЙ
АКАДЕМІИ.

Церковь, какъ тѣло Христово, въ вѣкъ Апостольскій.

Впрочемъ, какъ и въ самомъ маломъ сѣмени растенія могутъ быть примѣчены главнѣйшія основанія будущихъ формъ (какъ-то: раздѣленіе на доли или слои, ростокъ и т. п.), такъ въ самомъ первомъ зародышѣ Церкви, въ апостольской іерусалимской общинѣ, уже ясно различается присутствіе трехъ образующихъ связей вселенскаго тѣла Христова[1]). Во-первыхъ, іерархическое преемство (путь Христовъ) существуетъ уже тамъ въ лицѣ избранныхъ самимъ Спасителемъ апостоловъ. Что это избраніе не было лишь однимъ изъ дѣйствій земной жизни Христа, но и нѣкоторымъ постояннымъ путемъ для дѣйствія Его въ Церкви и по вознесеніи Его отъ нея—и началомъ безконечнаго преемства, это видно изъ событія избранія, по предложенію Петра, новаго апостола на мѣсто Іуды Искаріота. Здѣсь, кромѣ самаго событія, весьма примѣчателенъ и способъ избранія. Апостолы не рѣшили дѣло ни собственнымъ произволомъ, ни волею всей общины; апостолы и община только представили достойныхъ: „и поставиша два“. Самое же избраніе произошло слѣдующимъ образомъ: „и помолившеся рѣша: Ты,

---

[1]) Ср. XVI-й вып. „Р. Ф. Б-ки“, стр. 15, 49 и слѣд.

Господи, сердцевѣдче всѣхъ, покажи, егоже избралъ еси отъ сею двою единаго, пріяти жребій служенія сего и апостольства, изъ него же испаде Іуда, ити въ мѣсто свое. И даша жребія има, и паде жребій на Матѳіа, и причтенъ бысть ко единонадесяти апостоломъ". Въ этомъ первомъ дѣяніи новой Церкви апостолы, предводимые Петромъ, дѣйствуютъ не отъ себя и не во имя свое, а подчиняются дѣйствію Божію, которое чрезъ нихъ и происходитъ. Не они избираютъ, а Христосъ избираетъ чрезъ нихъ.

Вмѣстѣ съ іерархическимъ преемствомъ пути Христова апостольская община съ первыхъ же дней своего существованія представляетъ намъ и свидѣтельство Христовой истины въ соборномъ исповѣданіи новой вѣры, которое мы находимъ въ рѣчи апостола Петра въ день Пятидесятницы. Въ заключеніи этой рѣчи апостолъ Петръ выражаетъ въ краткихъ словахъ главнѣйшую сущность христіанской вѣры: „сего Іисуса воскреси Богъ, емуже вси мы есмы свидѣтеліе. Десницею убо Божіею вознесеся, и обѣтованіе Святаго Духа пріемь отъ Отца, излія сіе, еже вы нынѣ видите и слышите. Твердо убо да разумѣетъ весь домъ Израилевъ, яко и Господа и Христа Его Богъ сотворилъ есть, сего Іисуса, Его-

же вы распясте“ (Дѣян. II, 32—33, 36). Это исповѣданіе, разумѣется, не могло предполагать тѣхъ догматическихъ и богословскихъ вопросовъ, которые лишь впослѣдствіи возникали и разрѣшались Церковью; но первѣйшее основаніе христіанской истины и мудрости—вѣра въ дѣйствительное событіе воскресенія Богочеловѣка Христа—выражено уже и здѣсь съ полною ясностію и твердостію.

Стоя на пути Христовомъ и исповѣдуя Христову истину, апостольская Церковь обладала и жизнію Христовой, и не только въ совокупности даровъ Св. Духа, полученныхъ въ Пятидесятницу, но уже и въ опредѣленномъ видѣ церковныхъ таинствъ, въ каковомъ здѣсь прежде всего являются два главныя таинства, установленныя Христомъ еще въ земной Его жизни—крещеніе и причащеніе.

Необходимость развитія, осложненія въ Церкви.

Итакъ, достаточное основаніе всей Церкви уже было положено изначала; но странно было бы требовать, чтобы на этомъ основаніи ничего не строилось. Какъ іерархическій порядокъ маленькой общины въ нѣсколько сотъ или нѣсколько тысячъ человѣкъ, живущихъ въ одномъ городѣ, не могъ остаться безъ измѣненія, когда Церковь обняла милліоны людей и распространилась по всему міру; какъ есте-

ственно этотъ порядокъ, сохраняя то же самое начало, долженъ былъ развить его и принять болѣе сложныя формы, точно также и христіанское сознаніе—исповѣданіе истинной вѣры, какъ бы оно ни было крѣпко и напряженно въ первобытной общинѣ, не могло однакоже имѣть совершеннаго выраженія въ этой общинѣ, состоявшей исключительно изъ іудеевъ, и по большей части—изъ іудеевъ необразованныхъ; оно не могло и не должно было оставаться при тѣхъ же первичныхъ выраженіяхъ, или формулахъ, когда потомъ въ Церковь вошли люди, обладавшіе всѣмъ богатствомъ греко-римскаго просвѣщенія; истина христіанская, сохраняя неизмѣнно свое содержаніе и сущность, должна была развиться въ болѣе сложную систему понятій, выразиться въ болѣе точныхъ и отчетливыхъ опредѣленіяхъ. Наконецъ, если таинства суть способы живого общенія Божества съ вѣрующими преимущественно въ главныхъ происшествіяхъ ихъ жизни, то невозможно было, чтобы всѣ эти способы сразу открылись въ видимой Церкви во всей ихъ раздѣльности. Естественно, что въ первоначальной Церкви, состоявшей изъ немногочисленнаго общества, нѣкоторыя изъ таинствъ еще не получили обычнаго выраженія и не имѣли въ видимой

жизни церковной опредѣленнаго и отчетливаго существованія. Если и таинственное общеніе съ Божествомъ не можетъ для младенца принимать тѣ раздѣльныя и отчетливыя формы, какія оно получаетъ для взрослаго человѣка, то отсюда не слѣдуетъ, чтобы взрослый человѣкъ всегда долженъ былъ ограничиваться только тѣми формами, которыя пригодны для младенца. Подобно этому, если въ Церкви, по мѣрѣ ея внутренняго и внѣшняго возрастанія, совершеніе св. таинствъ получало болѣе полный и вмѣстѣ съ тѣмъ болѣе опредѣленный и раздѣльный видъ, чѣмъ какой оно имѣло въ первобытномъ христіанствѣ, то это было совершенно цѣлесообразно и законно.

Итакъ, Церковь не только по матеріальному своему составу и внѣшнему распространенію, но и по явленію своихъ образующихъ формъ растетъ, развивается и совершенствуется. Ибо хотя Божественная стихія Церкви сама по себѣ неизмѣнна, но такъ какъ способъ и степень ея обнаруженія зависитъ и отъ способа и степени усвоенія этой Божественной стихіи человѣческимъ элементомъ, измѣнчивымъ по природѣ своей, то, слѣдовательно, и явленіе Божественнаго въ Церкви въ этомъ отношеніи измѣняется, опредѣляясь

большимъ или меньшимъ соотвѣтствіемъ между Божественною и человѣческою ея сторонами.

Развитіе Церкви не противно существу Церкви.

Такое возрастаніе, развитіе и совершенствованіе церковныхъ формъ нисколько не противорѣчитъ неизмѣнному основанію Церкви, не только самой по себѣ, но и въ видимомъ ея явленіи. Ибо во 1-хъ, какъ бы ни видоизмѣнялись и ни усложнялись формы іерархіи, формулы исповѣданія вѣры и обряды совершенія таинствъ, но никогда не было такъ, чтобы въ Церкви вовсе не существовало правильной іерархіи, истиннаго исповѣданія вѣры и настоящихъ таинствъ, а во 2-хъ, всѣ видоизмѣненія и усложненія въ этихъ трехъ областяхъ не упраздняли, а, напротивъ, сохраняли и утверждали прежнее, будучи лишь его бо́льшимъ раскрытіемъ. Такъ, напримѣръ, рукоположеніе священниковъ епископами не противорѣчило апостольскому рукоположенію и не упраздняло его, а, напротивъ, отъ него же исходило и имъ держалось, было лишь необходимымъ примѣненіемъ того же самаго безусловнаго и Божественнаго начала іерархіи къ болѣе сложному составу Церкви; символы никейскій и константинопольскій не противорѣчили исповѣданію апо-

стола Петра и не упраздняли его, а были лишь его болѣе полнымъ раскрытіемъ и т. д. Въ ростѣ дерева корень не упраздняется стволомъ, а, напротивъ, питается и сохраняется имъ, такъ же какъ и самъ его сохраняетъ и питаетъ; точно также и стволъ не упраздняется вѣтвями, листьями, цвѣтами и т. д., но все это вмѣстѣ своею цѣлостью образуетъ одно совершенное растеніе, живущее *не смѣною, а взаимо-сохраненіемъ* своихъ частей. Такъ и для видимой Церкви истинное положеніе состоитъ не въ томъ, чтобы въ ней ничего новаго не являлось, а въ томъ, чтобы въ ней появляющееся новое не противорѣчило старому и не разрушало, а утверждало и раскрывало его.

Церковь всегда шла правымъ путемъ іерархическаго преемства, но этотъ путь можетъ для нея расширяться; Церковь всегда содержала истину въ исповѣданіи вѣры, но эта истина можетъ съ теченіемъ времени находить себѣ болѣе точныя и полныя выраженія; наконецъ, Церковь всегда обладала жизнью Христовою въ таинствахъ, но эта жизнь можетъ полнѣе восприниматься и далѣе проводиться. Какъ по ученію ап. Павла въ совмѣстности единой Церкви, въ *объемѣ* единаго тѣла Христова, одинъ и тотъ же присущій и

дѣйствующій въ немъ Духъ Божій не одинаково дѣйствуетъ во всѣхъ его членахъ, но измѣняетъ Свое дѣйствіе сообразно свойству и назначенію каждаго члена, точно также и въ *преемствѣ* временъ и поколѣній одинъ и тотъ же вѣчно пребывающій въ Церкви Духъ Божій въ различной степени и различными способами раскрываетъ Свое присутствіе сообразно историческому положенію и призванію каждой эпохи и поколѣнія. Итакъ, если непремѣнное условіе церковности есть то, чтобы ничто новое не противорѣчило старому, то это не во имя того, что оно старо, а во имя того, что оно есть произведеніе и выраженіе того же самаго Духа Божія, Который непрерывно дѣйствуетъ въ Церкви и Который не можетъ себѣ противорѣчить.

Какъ познаемъ истину въ Церкви?

Отсюда же легко намъ видѣть, что̀ собственно въ Церкви есть Божественное и неизмѣнное. Мы принимаемъ и почитаемъ преданное въ Церкви не потому только, что оно предано—ибо бываютъ и худыя преданія,—а потому, что признаемъ въ преданномъ не произведеніе извѣстнаго только времени, мѣста или какихъ-либо лицъ, а произведеніе Того Духа Божія, Который нераздѣльно всегда и вездѣ присутствуетъ и все наполняетъ, Который и

въ насъ самихъ свидѣтельствуетъ о томъ, что̀ нѣкогда Имъ же создано въ древней Церкви, такъ что мы выраженную прежде, но всегда единую, истину познаемъ благодатною силою того же самаго Духа, Который ее тогда выразилъ. Поэтому всякая форма и всякое постановленіе, хотя бы и выраженное въ извѣстное время и чрезъ извѣстныхъ лицъ, но если эти лица дѣйствовали при этомъ *не отъ себя* и не въ свое имя, а отъ всей и во имя всей Церкви прошедшей, настоящей и будущей, видимой и невидимой,—такая форма и такое ихъ постановленіе, по вѣрѣ нашей, исходитъ отъ присущаго и дѣйствующаго во всей Церкви Духа Христова и должно быть поэтому признано святымъ и неизмѣннымъ, какъ поистинѣ исходящее не отъ какихъ-нибудь частей Церкви по мѣсту и времени, не отъ отдѣльныхъ членовъ ея въ ихъ частности и отдѣльности, а отъ всей Церкви Божіей въ ея нераздѣльномъ единствѣ и цѣлости, какъ вмѣщающей всю полноту Божественной благодати.

Каѳоличность, какъ признакъ Божественности въ Церкви.

Итакъ, отличительный признакъ Божественности въ Церкви есть внутренняя всецѣлость или каѳоличность ея пути, ея истины, ея жизни: всецѣлость не въ смыслѣ

ариѳметической и механической совокупности всѣхъ частей и членовъ, каковая внѣшняя совокупность ни въ какомъ данномъ моментѣ не имѣетъ дѣйствительнаго существованія, а въ смыслѣ мистической (сверхсознательной) связи и духовнаго нравственнаго общенія всѣхъ частей и членовъ Церкви между собою и съ общимъ Божественнымъ Главою. При этомъ явными органами этой связи и этого общенія въ видимой Церкви, въ каждомъ моментѣ ея существованія, могутъ являться единичныя лица или собранія немногихъ лицъ, на которыхъ, въ силу внутренней связи всего живого тѣла Церкви и всеобщаго взаимнаго довѣрія, можетъ быть перенесена и въ нихъ сосредоточена мысль и воля всѣхъ. Эта воля именно силою такого самоотверженія и такой безличности привлекаетъ дѣйствіе Божественнаго Духа, Онъ же и чрезъ немногихъ открываетъ благодать, тайно присущую всѣмъ; такъ что истинная каѳоличность обусловлена не полнотою числа чрезъ внѣшнее собираніе отдѣльныхъ единицъ, а полнотою духовной цѣлости чрезъ отверженіе всякаго самолюбія и обособленія въ каждой единицѣ. Божественно въ Церкви все то, что имѣетъ вселенскій, или каѳолическій, характеръ, а имѣетъ этотъ характеръ все то, въ чемъ нѣтъ *самолюбія* и

обособленія—личнаго, народнаго, мѣстнаго и всякаго другаго.

Каѳоличность и Божественность іерархіи.

Каѳоличенъ и Божественъ іерархическій *путь* Церкви, ибо по нему ни одинъ изъ посредниковъ и органовъ благодати не имѣетъ своего званія, какъ личной своей привилегіи, отдѣляющей его отъ другихъ, но всѣ они получаютъ священное преимущество изъ единаго и для всѣхъ общаго источника святости—Христа, чрезъ единообразное и непрерывное преемство, въ силу коего не они отдѣляются отъ всѣхъ, а всѣ чрезъ ихъ служеніе видимо соединяются съ Божественнымъ основаніемъ цѣлаго зданія Церкви. Всякій человѣкъ имѣетъ въ силу воплощенія Христова возможность соединиться съ Божествомъ, но для того, чтобы эта *возможность* быть сынами Божіими стала *дѣйствительностью*, необходимо прежде отречься отъ существующей уже противобожеской (грѣховной) дѣйствительности человѣка, корень которой состоитъ въ эгоизмѣ, или самости, т. е. именно въ усиліи поставить и утвердить себя внѣ Бога и противъ Бога; слѣдовательно, человѣкъ, желающій дѣйствительнаго возсоединенія съ Божествомъ, прежде всего долженъ отказаться отъ своего самоутвержденія, онъ долженъ признать, что не

въ немъ источникъ добра, истины и жизни, и ни въ какомъ случаѣ не долженъ говорить и дѣйствовать изъ-за себя и во имя свое, чтобы не заслонять Божественной благодати своимъ себялюбивымъ посредствомъ.

Устраненіе человѣческаго себялюбія при іерархическомъ строѣ.

Но именно іерархическій строй Церкви, и *только* онъ, устраняетъ и дѣлаетъ невозможнымъ всякое себялюбивое и самовольное посредство между Богомъ и твореніемъ, ибо въ этомъ іерархическомъ строѣ (и только въ немъ одномъ) *никто* самъ собою или въ своей отдѣльности не получаетъ благодати Божіей, но каждый имѣетъ ее лишь отъ Божественнаго цѣлаго чрезъ другихъ, также не собою ее пріявшихъ. Такъ всѣ міряне не сами собою, а чрезъ священника принимаютъ благодать, но и священникъ не собою священнодѣйствуетъ, а въ силу посвященія отъ епископа; епископъ же не самъ собою даетъ и не отъ человѣческаго произвола беретъ свое святительское полномочіе, но посредствомъ старшихъ епископовъ послѣдовательнымъ преемствомъ получаетъ его чрезъ апостоловъ отъ Самого Христа, Котораго Богъ-Отецъ освятилъ и послалъ въ міръ для нашего спасенія, и Который Самъ творилъ волю не Свою, но Пославшаго Его. Итакъ, въ этой

чудной цѣпи благодатнаго дѣйствія нѣтъ ни одного звена, запятнаннаго человѣческимъ самоутвержденіемъ, въ этомъ великомъ обществѣ нѣтъ ни одного дѣятеля отъ Божественнаго Главы Его и до послѣдняго священнослужителя, нѣтъ ни одного дѣятеля, который самъ бы о себѣ свидѣтельствовалъ или самъ бы поставлялъ себя въ проводники благодати и свидѣтели истины. Поэтому, каковы бы то ни были человѣческія дѣла какого-нибудь іерарха (или цѣлаго ряда іерарховъ), и хотя бы онъ въ своемъ *личномъ* характерѣ обнаруживалъ высочайшую степень гордости и высокомѣрія, *святительское* его служеніе все-таки основано на смиреніи и самоотверженіи, ибо онъ не самъ себя поставилъ въ іерархи, не во имя себя дѣйствуетъ и не свое проповѣдуетъ. Напротивъ, всѣ основатели и учители отдѣлившихся отъ Церкви сектъ, хотя бы иные изъ нихъ по личному своему характеру и были люди смиренные, но служеніе ихъ основано на самоутвержденіи и гордости, ибо они сами о себѣ свидѣтельствуютъ, свое дѣлаютъ и проповѣдуютъ. Іерархія же церковная не по дѣламъ своихъ членовъ, а по совершенству своего начала, по чистотѣ и цѣлости своей каѳолической формы свята, непорочна и Божественна.

Каѳоличность и Божественность церковной истины.

Каѳолична и Божественна *истина* церковная въ соборномъ исповѣданіи вѣры не потому, чтобы оно выражало окончательно всю полноту боговѣдѣнія, и не потому также, чтобы оно утверждалось на собирательномъ мнѣніи всѣхъ членовъ Церкви, а потому, что, во 1-хъ, со стороны своего предмета это исповѣданіе, и не открывая всѣхъ частностей Божественной истины, представляетъ такія существенныя черты ея, которыя внутренно связаны со всѣмъ остальнымъ и слѣдовательно заключаютъ въ себѣ подразумѣвательно всецѣлую истину; и во 2-хъ, со стороны своего происхожденія это исповѣданіе утверждено людьми, бывшими истинными представителями цѣлой вселенской Церкви въ томъ смыслѣ, что они имѣли въ виду не свои личныя или чьи-либо частныя мнѣнія, какъ такія, а то ученіе, котораго всегда и вездѣ твердо, хотя бы и не вполнѣ отчетливо, держалась вся Церковь; они хотѣли опредѣлить не свое (своей партіи, мѣстности, своего времени) ученіе, а каѳолическое богопреданное ученіе. Отцы вселенскихъ соборовъ, каковы бы ни были личныя ихъ свойства и какъ бы они себя ни вели въ другихъ отношеніяхъ, при опредѣленіи догматовъ вѣры дѣйствовали не

отъ себя, а отъ всецѣлости церковной, въ ней же Богъ пребываетъ, и вѣрующій въ это пребываніе не можетъ отвергать въ таковыхъ опредѣленіяхъ подлиннаго откровенія Христовой истины наитіемъ Духа Святаго. О такомъ именно характерѣ вселенскихъ соборовъ фактически свидѣтельствуетъ вся ихъ исторія. Вмѣстѣ съ тѣмъ не трудно было бы показать, и уже отчасти было показываемо, и съ богословской, и съ философской стороны, что утверждавшіеся на 7-ми вселенскихъ соборахъ (т.-е. до раздѣленія Востока и Запада) догматы, именно: единосущіе Слова и Духа Святаго съ Богомъ Отцомъ (I и II вселенскіе соборы), единство Богочеловѣческой личности въ Христѣ (III и V соборы), два естества въ одномъ лицѣ Его (IV соборъ), двѣ воли и два дѣйствія въ Христѣ (VI соборъ) и, наконецъ, святость тѣлеснаго человѣческаго образа, воспринятаго Христомъ (VII вселенскій соборъ), всѣ эти догматы составляютъ и по разуму (логически) единственно правильное раскрытіе и опредѣленіе христіанской истины, тогда какъ тѣ еретическія объ этихъ предметахъ мнѣнія, противъ которыхъ созывались соборы, и которыя на этихъ соборахъ осуждены, подрывали самыя основа-

Опредѣленія вселенскихъ соборовъ.

нія христіанства. Такъ что заявленное на соборахъ фактически самосознаніе Церкви допускаетъ и полное логическое оправданіе, и засвидѣтельствованная соборами вселенская истина была не только истиной христіанской вѣры, но и истиной христіанскаго разума.

Когда представители Церкви образуютъ вселенскій соборъ?

Вселенскій соборъ не въ полночисленности состоитъ; ибо еслибъ даже гораздо большее, чѣмъ на всѣхъ вселенскихъ соборахъ, сошлось собраніе представителей всѣхъ церквей со всего міра, но если-бы каждый изъ нихъ несъ съ собою и старался выразить только свое личное мнѣніе или человѣческія мнѣнія и желанія представляемыхъ имъ обществъ, то такое собраніе не было бы вселенскимъ соборомъ, и его опредѣленія не были бы Божественными догматами. Божественные же догматы возвѣщаются въ Церкви тогда только, когда представители (сколько бы ихъ въ этомъ случаѣ ни было), отлагая всякія человѣческія мнѣнія, свои и чужія, заботятся и ревнуютъ лишь о выясненіи Христовой истины, *заложенной* въ Церкви благодатію сошедшаго на нее Св. Духа. Добровольнымъ и сознательнымъ отверженіемъ всего человѣческаго—временнаго, мѣстнаго и личнаго, во имя вѣчнаго и неизмѣннаго, какъ-

лическаго начала царствія Божія, представители Церкви вызываютъ новое *обнаруженіе* этого начала и, возбуждая въ себѣ ростъ Божественнаго сѣмени, привлекаютъ новое дѣйствіе Того же Святаго Духа, Который и говоритъ тогда ихъ устами, какъ органами всего каѳоличества.

Значеніе христіанскихъ истинъ. Каѳолично церковное испо- вѣданіе еще и потому, что содержитъ въ себѣ такія истины, которыя одинаково значительны и важны для всѣхъ людей—ученыхъ и невѣждъ, простыхъ и образованныхъ, ибо эти истины говорятъ *всему* человѣку и опредѣляютъ судьбу всего человѣчества, а не относятся только къ мышленію ума или къ какой-нибудь отдѣльной познавательной способности. Богъ—Вседержитель, Христосъ—Спаситель и Его Богочеловѣческій подвигъ, животворящій Духъ Божій и Его дѣйствіе въ единой вселенской Церкви чрезъ крещеніе и другія таинства, наконецъ, воскресеніе мертвыхъ и жизнь будущаго вѣка—всѣ эти догматы, въ силу ихъ глубочайшаго смысла и совершенной разумности, могутъ быть развиты въ самую полную философскую систему, и однако же они не суть отвлеченно-теоретическія умозрѣнія, а жизненныя и практическія истины, всякому до-

ступныя, всѣмъ указывающія одинъ путь спасенія и прямой входъ въ царствіе Божіе.

Каѳоличность и Божественность таинствъ.

Каѳолична и Божественна мистическая *жизнь* Церкви въ святыхъ таинствахъ, потому что эти таинства, хотя бы совершаемыя въ извѣстномъ случаѣ надъ однимъ человѣкомъ, по назначенію своему никогда не останавливаются на преходящемъ человѣческомъ явленіи, на отдѣльномъ существованіи каждаго лица, на томъ ложномъ положеніи обособленности и отъединенія, въ которомъ находится природный человѣкъ,—но имѣютъ своею цѣлью именно вывести человѣка изъ этого ложнаго положенія, дѣйствительно, духовно-физически связать его со всѣми и чрезъ то возстановить *всецѣлость* истинной жизни по Богѣ. Таково свойство всѣхъ таинствъ вообще и каждаго въ особенности.

Каѳолично и Божественно таинство *крещенія*, ибо, невидимо очищая природнаго человѣка отъ скрытой, но несомнѣнно ему присущей заразы первороднаго грѣха, въ самомъ началѣ отдѣляющей его отъ единства Божественной жизни, оно даетъ ему возможность снова войти въ составъ всемірнаго тѣла Божія.

Каѳолично и Божественно таинство *муропомазанія*, ибо, освящая все духовно-тѣлес-

ное образованіе человѣка, какъ крайнюю форму Духа Святаго, оно предназначаетъ его во всемъ этомъ составѣ на служеніе не личнымъ его духовнымъ цѣлямъ, а всеобщему дѣлу Божію на землѣ.

Каѳолично и Божественно таинство *покаянія* (второе крещеніе), потому что въ немъ человѣкъ, собственнымъ добровольнымъ сознаніемъ отрекаясь и благодатію Божіею разрѣшаясь ото всего, что въ его личной жизни было содѣлано въ грѣховномъ духѣ самолюбія, отдѣляющемъ его отъ Бога и людей, снова дѣлается способнымъ къ соединенію съ ихъ всецѣлостью, уже при личномъ своемъ участіи.

Каѳолично и Божественно великое таинство евхаристіи, или *причащенія*, въ которомъ человѣкъ, тѣлесно и существенно воспринимая всѣединое тѣло Христово (въ немъ же обитаетъ вся полнота Божества) и физически, хотя и невидимо, съ нимъ соединяясь, становится дѣйствительно участникомъ и общникомъ богочеловѣческой и духовно-тѣлесной всецѣлости.

Каѳолично и Божественно таинство *брака*, въ силу котораго полнота физической жизни освящается для человѣка полнотою духовнаго общенія, на основаніи мистическаго (во

Христа и во Церковь) сочетанія двухъ разнородныхъ существъ, долженствующаго въ повседневной жизни выражаться взаимнымъ ихъ самоограниченіемъ и самоотверженіемъ, — вслѣдствіе чего человѣкъ, возстановленный въ своей цѣлости, какъ полное и замкнутое кольцо входитъ въ цѣпь всемірной жизни.

Каѳолично и Божественно таинство рукоположенія, или *священства* (духовное отчество, или дѣторожденіе), дѣйствіемъ котораго одинъ человѣкъ становится для многихъ проводникомъ вселенской благодати Христовой, „отъ Его же исполненія мы вси пріяхомъ и благодать возблагодать".

Каѳолично и Божественно послѣднее таинство елеосвященія, или *соборованія*, при которомъ вся Церковь чрезъ соборъ своихъ служителей, въ виду грозящей смертію болѣзни, торжественно и словомъ и мистическимъ дѣйствіемъ свидѣтельствуетъ больному, что онъ есть неотъемлемый членъ того священнаго цѣлаго, которое обнимаетъ собою не только всю видимую, но и всю невидимую Церковь,—такъ что, если и умретъ болящій, то не порвется духовно физическая связь его съ вселенскимъ тѣломъ.

Каѳоличны и всецѣло Божественны всѣ таинства Церкви еще и въ томъ смыслѣ, что

ими обнимается и освящается не одна нравственная и духовная жизнь человѣка, но и его физическая жизнь, — болѣе того: ими освящаются и возсоединяются съ Божествомъ начатки матеріальной природы всего видимаго міра. Такъ, въ крещеніи Духъ Божій, въ началѣ міротворенія носившійся надъ водами[1]), снова соединяетъ свое таинственное дѣйствіе съ водою, какъ первородною *стихіей* вещественнаго міра, а въ ней—и съ прочими стихіями. Въ муропомазаніи и елеосвященіи *растительный* элементъ, въ чистѣйшихъ своихъ произведеніяхъ, освящается и становится проводникомъ благодатнаго дѣйствія Божія на тѣло человѣческое, а въ евхаристіи особымъ таинственнымъ дѣйствіемъ благодати важнѣйшія для человѣческой жизни питательныя вещества—хлѣбъ и вино—становятся видами, подъ коими существенно и дѣйственно сообщается человѣчеству и питаетъ его само истинное прославленное тѣло

---

[1]) Извѣстно, что еврейское слово, переведенное у насъ „ношашеся“ (надъ водою), означаетъ собственно *высиживать* (птенцовъ), вслѣдствіе чего св. Василій Великій въ своемъ „Шестодневѣ“ уподобляетъ Духа Божія орлицѣ, высиживающей и выводящей своихъ дѣтей. Съ этимъ же, вѣроятно, находится въ связи голубиный образъ Духа Божія.

Христово. Наконецъ, чрезъ таинство брака очищается, духовно осмысливается и освящается въ человѣкѣ родовое отправленіе жизни *животной*. Въ сихъ таинствахъ такимъ образомъ возстановляется союзъ Божества съ начатками цѣлаго творенія, и царство Божіе обнаруживаетъ свой истинно каѳолическій, т.-е. всеобъемлющій, характеръ, полное осуществленіе котораго въ грядущей прославленной Церкви будетъ обнимать не только новое небо—блаженныхъ и спасенныхъ духовъ, но и новую землю—возрожденную духовную тѣлесность цѣлаго міра.

Заключеніе. Таковъ въ краткихъ чертахъ образъ вселенской Церкви, каѳолической и Божественной не только въ своемъ вѣчномъ началѣ и невидимомъ первообразѣ, но и въ своихъ видимыхъ формахъ. Эти формы каѳоличны (всецѣлы) по самому существу и назначенію своему, которое состоитъ въ томъ, чтобы *исцѣлять* человѣчество и весь міръ возстановленіемъ его единства съ Богомъ, такъ чтобы все твореніе становилось вѣрнымъ образомъ Божества. Въ этихъ формахъ устраняется все частное, отъединенное и исключительное, устраняется всякій человѣческій произволъ и, слѣдовательно, упраздняется начало всякаго грѣха и всякаго не-

совершенства, такъ что каѳоличность, какъ *внутреннее совершенство*, по самому существу дѣла есть Божественное, а не внѣшній только признакъ Божественности. И хотя до тѣхъ поръ, пока не совершится исцѣленіе и перерожденіе всей твари, сѣмя царствія Божія возрастаетъ въ мірѣ и видоизмѣняется по силѣ, степени и объему своего проявленія, но всѣ эти измѣненія касаются только человѣческаго воспріятія, само же Божественное дѣйствіе во всѣхъ степеняхъ и видахъ его усвоенія человѣкомъ и природою остается внутренно всецѣлымъ, единымъ во всѣхъ, и въ частномъ проявленіи сохраняетъ свое каѳолическое существо, въ чѣмъ и выражается его Божественность.

Итакъ, все то въ Церкви, что по самому значенію своему каѳолично, свободно отъ всякаго самоутвержденія, произвола и исключительности, что выводитъ человѣка изъ его обособленія и сообщаетъ ему форму всецѣлости, то тѣмъ самымъ Божественно и образуетъ вѣчную и неизмѣнную сущность Церкви.

Истинное Богочеловѣческое общество, созданное по образу и подобію Самого Богочеловѣка, должно представлять свободное согласованіе Божественнаго и человѣческаго начала, а это обусловливается какъ дѣйству-

ющею силою перваго, такъ и содѣйствующею силою второго. Требуется, слѣдовательно, чтобы общество, во-первыхъ, сохранило во всей чистотѣ и силѣ данное ему Божественное начало (путь, истину и жизнь Христову), а во вторыхъ, со всею *полнотою* развило начало своей человѣческой самодѣятельности, направленной къ конечному осуществленію *въ нижнихъ* того, что дано *свыше*. Міръ перерождается въ христіанствѣ, и чрезъ это какъ бы восполняется рожденіе Христа въ мірѣ.

Нравственная идея догмата церкви [1]).

Авторитетнѣйшій догматистъ православія, преп. Іоаннъ Дамаскинъ говоритъ, что Богъ открылъ намъ все то изъ Своихъ свойствъ, изъ Своихъ промыслительныхъ судебъ, что нужно для нашего спасенія, и утаилъ все то, что не имѣетъ прямого отношенія къ сей цѣли. Въ частности не только истина о Церкви открыта намъ для такой цѣли, но и сама Церковь учреждена единственно для нея же. Кому не извѣстны слова апостола о Христѣ, *изъ Котораго все тѣло, составляемое и совокупляемое посредствомъ всякихъ взаимно скрѣпляющихъ связей, при дѣйствіи въ свою мѣру каждаго члена, получаетъ приращеніе для созиданія самого себя въ любви* (Еф. IV, 16)?

---

[1]) Заимствовано съ нѣкоторыми сокращеніями изъ статьи архіеп. Антонія: „Нравственная идея догмата Церкви“.

Итакъ, назначеніе Церкви указано ясно и опредѣленно: оно заключается въ духовномъ возрастаніи христіанъ.

Если разсматривать истину Церкви съ указанной нами точки зрѣнія, то намъ придется поставить слѣдующее положеніе во главу нашего разсужденія: для спасенія, или—что то же—для духовнаго усовершенствованія человѣка необходимы три условія: самъ человѣкъ, Богъ и Церковь. Обыкновенно третье условіе не полагаютъ въ основаніе нашего спасенія, но мы знаемъ, что то царство Божіе, которое принесъ на землю Спаситель нашъ, не есть освященіе только личной жизни человѣка чрезъ непосредственное воздѣйствіе на него Существа Божія, но и основаніе на землѣ *новаго бытія, новаго начала*, чрезъ которое только и входитъ въ общеніе съ человѣческою личностью нашъ Господь. Это бытіе, это начало есть Церковь. Замѣчательно, что въ томъ исключительномъ случаѣ, когда по основаніи Церкви Господь призвалъ къ Себѣ гонителя Савла прямо со Своего небеснаго престола, то и здѣсь Онъ не оставилъ его внѣ ближайшаго руководства Церкви, не открылъ ему Своей воли непосредственно, какъ нѣкогда Иліи и прочимъ пророкамъ, но

Церковь, какъ новое, единственное бытіе на землѣ.

послалъ его къ Ананіи для наученія, для облагодатствованія въ таинствѣ и для исцѣленія отъ слѣпоты очей. Здѣсь Господь показалъ, что Онъ не знаетъ Своихъ рабовъ внѣ Церкви. Но еще раньше, когда Онъ только преподавалъ самое основаніе Своего новаго ученія, въ большинствѣ притчей Своихъ Онъ противопоставлялъ новую духовную жизнь, какъ противоположную не только грѣховной, раздвоенной, *личной* жизни отдѣльнаго человѣка, но еще чаще—разрозненному, раздѣленному быту человѣческаго *общества*. Въ Его новомъ царствѣ люди объединятся не только въ дружное братство, чуждое раздѣленія по народностямъ, сословіямъ и имуществамъ, но они составятъ изъ себя нѣкое новое *единое* бытіе, которое будетъ возрастать какъ тѣсто, заквашенное хозяйкой, какъ дерево, привлекающее всѣхъ подъ свою тѣнь, какъ виноградная лоза, въ которой стволъ есть Христосъ, а вѣтви—апостолы.

Наконецъ, когда Господь уже сказалъ ученикамъ Своимъ все, что принялъ отъ Отца Своего (Іоан. XV, 15), то возвелъ очи Свои на небо и вознесъ къ Отцу молитву объ исполненіи того дѣла, ради котораго Онъ пришелъ на землю. Молитва эта была не о чемъ иномъ, какъ объ устроеніи на землѣ

новаго, единаго бытія—Церкви,—бытія, дотолѣ чуждаго раздѣленному грѣхомъ человѣчеству, а только прообразованнаго ветхозавѣтною Церковью. Это бытіе имѣетъ себѣ подобіе не на землѣ, гдѣ нѣтъ единства, а лишь разділеніе, но на небѣ, гдѣ единство Отца и Сына и Св. Духа совершаетъ трехъ Лицъ въ единое Существо, такъ что уже нѣтъ трехъ боговъ, но Единый Богъ, живущій единою жизнью. Точно такъ же единое новое бытіе, единый новый человѣкъ, совершается Христомъ на землѣ изъ прежняго враждебнаго общества іудеевъ и язычниковъ (Еф. II, 14—15). Конечно, цѣль этого новаго бытія на землѣ заключается однако не въ немъ самомъ, какъ цѣломъ, а въ его отношеніи къ каждому изъ своихъ составныхъ частей, т.-е. личности человѣческой. *Хочу*, говоритъ Господь, *чтобы тамъ, гдѣ Я, и они были со Мною, да видятъ славу Мою, которую Ты далъ Мнѣ... да любовь, которою Ты возлюбилъ Меня, въ нихъ будетъ, и Я въ нихъ* (Іоан. XVII, 24, 26). Такова конечная цѣль основанной Христомъ Церкви по отношенію къ членамъ ея, а цѣль посредствующая, та ближайшая цѣль, безъ которой невозможно достигнуть конечной цѣли нашего бытія, за-

Церковь есть подобіе Тройческаго Божественнаго бытія.

ключается въ постоянномъ духовномъ усовершенствованіи личности въ Церкви,—въ освященіи христіанина истиною Христовою. *За нихъ Я посвящаю Себя, чтобы и они были освящены истиною* (Іоан. XVII, 19).

Итакъ, Церковь есть совершенно новое, особенное и единственное на землѣ бытіе (unicum), котораго нельзя съ точностью опредѣлить никакимъ понятіемъ, взятымъ изъ мірской жизни.

Почему бытіе Церкви непонятно для ветхаго человѣка?

Мы видѣли изъ приведенныхъ словъ Христа Спасителя, что Церковь есть подобіе Троическаго бытія,—подобіе, въ которомъ многія личности становятся единымъ существомъ. Почему такое бытіе, какъ и бытіе Св. Троицы, ново для ветхаго человѣка и непостижимо? По той причинѣ, что въ естественномъ самосознаніи личность есть бытіе самозамкнутое, радикально противоположное всякой другой личности. Законъ нашего естественнаго бытія, опознаваемый въ нашемъ непосредственномъ самосознаніи, радикально противорѣчитъ нравственному закону Евангелія, требующему отъ своихъ послѣдователей самоотверженія и любви къ ближнему. Правда, и этотъ законъ любви не вполнѣ чуждъ человѣческой природѣ, расположенной

любить, хотя въ такой же мѣрѣ склонной отстаивать *свое я* въ чувствѣ самолюбія и мстительности. И вотъ, до тѣхъ поръ, пока человѣкъ сочувствуетъ христіанскому закону лишь въ размѣрахъ своихъ естественныхъ склонностей, онъ никогда не приметъ полноты христіанской любви, не сдѣлается истиннымъ христіаниномъ: однихъ онъ будетъ любить и, можетъ-быть, горячо, а другихъ ненавидѣть; любовь и самолюбіе, выражающееся въ ненависти, такъ и останутся въ немъ, какъ два непримиримые врага[1]).

Но вѣдь это будетъ постоянное противорѣчіе въ душѣ человѣка? Конечно, естественный человѣкъ есть воплощенное противорѣчіе, и едва ли гдѣ внутренняя противорѣчивость его природы проявляется съ такою силою, какъ въ чувствѣ естественной любви. Такъ, напр., въ любви половой любовь и ненависть сливаются въ одинъ странный, уродливый процессъ, гдѣ размноженіе сопровождается нерѣдко убійствомъ. Или возьмите самое высшее проявленіе естественной любви — любовь материнскую у животныхъ или естественныхъ людей: и здѣсь аффекты нѣжно-

---

[1]) Подробнѣе объ этомъ можно прочитать въ вып. IX: „Альтруизмъ и христіанская любовь“.

сти къ дѣтямъ постоянно чередуются съ аффектами бѣшеной злобы противъ ихъ предполагаемыхъ враговъ, а иногда противъ нихъ самихъ, если они съ трудомъ усваиваютъ желанія матери. Курица, выведши своихъ цыплятъ, почти ни на минуту не покидаетъ угрожающаго вида, и кроткая въ обыкновенное время корова бываетъ страшнѣе хищнаго животнаго, когда около нея новорожденный теленокъ. О томъ, какъ сильно обостряется это внутреннее противорѣчіе любви и ненависти въ людяхъ, мы знаемъ и изъ постоянныхъ наблюденій надъ жизнью, и изъ художественнаго воспроизведенія послѣдней въ литературѣ (напр. „Египетскія ночи“ Пушкина, „Крошка“ Достоевскаго, „Мать“ Некрасова и многія др.). Человѣческая мысль не примирила этого противорѣчія, а скорѣе постоянно усиливала его. Когда исходили изъ понятія свободной личности, этого единственнаго понятія, на которомъ могутъ основаться возвышенныя требованія строгой морали, то наряду съ ученіемъ о справедливости, цѣломудріи, честности, проповѣдывали горделивое и холодное, правовое и формальное отношеніе къ ближнимъ. Таково ученіе стоиковъ и Канта, который даже вовсе отрицалъ значеніе добродѣтели любви и пред-

лагалъ замѣнить ее принципомъ уваженія къ ближнимъ.

И мысль и дѣйствительная жизнь постулируютъ къ такому исходному понятію, въ которомъ бы устанавливалось примиреніе между свободною самооцѣнкою личности и принципомъ самоотверженія и жизни для другихъ,—гдѣ бы эти другіе, это „не-я“, не были чѣмъ-то противоположнымъ *мнѣ*, моему „я“, гдѣ бы свобода каждой личности совмѣщалась съ метафизическимъ единствомъ ихъ бытія вопреки пантеизму. Вотъ такое-то исходное понятіе и представляетъ собою *Церковь* въ тѣхъ опредѣленіяхъ, которыя мы дали ей выше на основаніи Слова Божія. И дѣйствительно, мы видимъ, что личность, развивающаяся въ Церкви, совмѣщаетъ полноту самоотверженной любви съ высокой степенью индивидуальной воли. Наиболѣе типичными представителями такого совмѣщенія служатъ типы сперва обще-древнѣйшей, а потомъ восточной Церкви, именно мученики, аскеты и святители. Во всѣхъ этихъ трехъ типахъ, въ высшей степени далекихъ другъ отъ друга по бытовымъ условіямъ своей жизни, мы находимъ одинаковую гармонію тѣхъ двухъ противопо-

Гдѣ возможно гармоническое сочетаніе любви къ другимъ съ чувствомъ личности?

ложныхъ качествъ, которой не могли допустить ни естественная жизнь, ни языческая или западная философія. Всѣ эти три типа—гиганты воли съ крайне напряженнымъ сознаніемъ своей нравственной отвѣтственности, въ то же время совершенно чуждые не только грубаго житейскаго эгоизма, но и какого бы то ни было тонкаго самопревозношенія, какого бы то ни было *притязанія на право личности*.—Итакъ, христіанская истина о Церкви[1]) не только въ мысли, но и въ жизни освобождаетъ человѣка отъ естественнаго противорѣчія между самосознаніемъ личности и самоотверженною любовью, какъ принципомъ жизни. Почему же именно это подлежитъ объясненію? Мы сказали, что опредѣленіе Церкви должно почерпаться не изъ понятія быта земного, но изъ ученія о тріединомъ Существѣ Божіемъ, какъ научилъ

[1]) Впрочемъ, предварительно оговоримся, что указаніемъ этого общаго значенія Церкви не заканчивается нравственная сила православнаго ученія о ней: Церковь есть, кромѣ того, незамѣнимая руководительница христіанина и въ дальнѣйшемъ подвигѣ его жизни, которая вновь и вновь нуждается въ истинѣ, преподаваемой симъ ученіемъ,—нуждается въ немъ какъ для усовершенія вѣры своей, такъ и въ дѣлѣ нравственнаго усовершенствованія.

насъ Господь въ Своей прощальной молитвѣ. Богъ—единъ по существу и по жизни, но троиченъ въ Лицахъ: такъ и Церковь *едина по существу*, но *множественна въ лицахъ*, ее составляющихъ. Что же это за единое существо Церкви, и въ какомъ отношеніи стоитъ оно къ естественному человѣчеству?

Церковь и личность. Въ Существѣ Божіемъ подъ понятіемъ единаго естества Божія богословіе разумѣетъ духовную природу Божества, тѣ духовныя силы и свойства Божественной жизни, которыя приводятся въ дѣйствіе свободною волею Божескихъ Лицъ. То же разумѣется подъ естествомъ человѣчества и подъ естествомъ каждой отдѣльной личности. Это раздѣленіе въ насъ лица и естества не есть нѣчто непонятное и отвлеченное, но истина, прямо подтверждаемая самонаблюденіемъ и опытомъ. Сознавая въ себѣ самостоятельную личность, свободу воли и свободу дѣйствій, каждый человѣкъ отлично понимаетъ, что эта самостоятельность, эта свобода заключается лишь въ *направленіи* силъ и свойствъ его общечеловѣческой природы въ ихъ спеціализаціи, въ развитіи однѣхъ природныхъ склонностей и уничтоженіи другихъ, въ выборѣ между борющимися склонностями и т. п. Но всѣ мы отлично понима-

смъ, что ни одинъ человѣкъ не можетъ мыслить иначе, какъ по четыремъ законамъ мышленія, проходитъ извѣстную послѣдовательность при переходѣ отъ какой-либо привычки къ противоположной, не можетъ ходить по воздуху, прекратить дыханіе и т. д. Однимъ словомъ, мы чувствуемъ себя уже надѣленными извѣстною и физическою и психическою природою, отчасти извѣстнымъ психическимъ содержаніемъ, видоизмѣненіе котораго предоставляется нашей свободѣ лишь на извѣстной почвѣ и притомъ съ значительными ограниченіями (напр., легко ли матери не любить своихъ дѣтей?). Вотъ эта-то психическая природа наша, эта досознательная общечеловѣческая воля, намъ неизбѣжно присущая, и есть *человѣческое естество*.

Какое же дѣйствительное и реальное бытіе оно имѣетъ? Въ бытіи Божіемъ бытіе это столь же дѣйствительно, какъ бытіе каждой Божественной Личности, даже болѣе дѣйствительно, потому что мы не говоримъ о существованіи трехъ боговъ, но единаго Бога, хотя и исповѣдуемъ бытіе Отца, бытіе Сына и бытіе Святого Духа. Мы знаемъ, что эти три Божескія Лица живутъ единою жизнью единаго Божескаго Естества,—Естества святого, благого, всеправеднаго, хотя и прони-

каются этою единою жизнію Своею личною свободой, какъ сказалъ Господь: *Я соблюлъ заповѣди Отца Моего, и пребываю въ Его любви* (Іоан. XV, 10). Если-бы люди не пали, если-бы не исполнились духа противленія и раздѣленія, если-бы не ослабили тѣмъ единства естества своего, то и въ ихъ сердцахъ съ такою же силой обнаруживалась бы жизнь общаго или богозданнаго естества человѣческаго, которое было добро зѣло, и которое Богъ *сдѣлалъ образомъ вѣчнаго бытія Своего* (Прем. II, 23). Каждой отдѣльной человѣческой личности оставалось бы только свободно соглашаться съ бьющимся въ немъ источникомъ любви, добродѣтели, разумности и радости. Изучая совмѣстно прекрасное твореніе Божіе и Самого Творца и услаждая сердце свое взаимною любовію и радостію, люди все болѣе и болѣе проникались бы сознаніемъ своего единства, и трудно было бы говорить о дѣйствіяхъ и мысляхъ Петра, Павла и Іоанна, а пришлось бы говорить и судить просто о дѣйствіяхъ человѣка. Однако это единство, эта общность человѣческихъ мыслей, чувствъ и дѣйствій, постоянно утверждалось бы и созидалось свободной волей каждой отдѣльной личности и тѣмъ охраняло бы нравственную цѣнность

своего бытія, отличаясь тѣмъ отъ единства движенія различныхъ частей благоустроенной машины или отъ единодушія безсловесныхъ муравьевъ или пчелъ, руководимыхъ въ своемъ неустанномъ трудѣ слѣпымъ и чуждымъ свободы инстинктомъ.

Но такую блаженную жизнь человѣческаго естества прервалъ нашъ праотецъ себялюбивымъ непослушаніемъ, а потомки его новыми грѣхами все болѣе и болѣе губили ее, такъ что и самосознаніе человѣческое почти вовсе ее утеряло, дойдя до такой степени обособленности, что источникомъ человѣческаго мышленія сдѣлалась противоположность между „я“ и „не я“, а тріединство Божіе, коего образомъ является наше естество, стало для естественнаго ума почти непостижимой тайной, для укоренившихся же въ своемъ себялюбіи философовъ—даже логическимъ абсурдомъ.

Но, вотъ, Искупитель возстановляетъ эту утерянную праотцемъ единую жизнь человѣческаго естества, подобную той, которую имѣли бы всѣ люди, если-бы не пали. Жизнь эта и есть основанная Имъ Церковь. Она подобна жизни первозданныхъ праотцевъ, но нѣсколько отлична отъ нея, такъ какъ теперь зиждется не на легко исполнимомъ свободномъ

согласіи каждой личности съ своимъ неиспорченнымъ естествомъ, а на согласіи, исполненномъ теперь борьбы съ естествомъ ветхимъ, которое мы должны распинать. Однако, прежде чѣмъ вникнуть въ дальнѣйшее разсмотрѣніе сей жизни, или, что то же, догмата Церкви, приведемъ слова св. Василія Великаго изъ 18-й главы Подвижническихъ Уставовъ. Описывая единодушіе, смиреніе, любовь и послушаніе монашествующей братіи, онъ такъ говоритъ: „Общежительники (т -е. монахи) изглаждаютъ въ себѣ грѣхъ праотца Адама, возобновляютъ первобытную доброту, потому что у людей не было бы ни раздѣленія, ни раздоровъ, ни войны, если-бы *грѣхъ не разсѣкъ естества*. Они-то суть точные подражатели Спасителю и Его житію во плоти. Ибо какъ Спаситель, составивъ ликъ учениковъ, даже и Себя сдѣлалъ общимъ для апостоловъ, такъ и сіи... Они-то соревнуютъ жизни ангеловъ, подобно имъ во всей строгости соблюдая общность... Они-то предвосхищаютъ блага обѣтованнаго царствія, въ доброхвальномъ житіи и общеніи, представляя точное подражаніе тамошнему жительству и состоянію... Они-то ясно показали жизни человѣческой, сколько благъ доставило намъ Спасителево вочеловѣченіе, потому что расторгнутое

и на тысячи частей разсѣченное *естество человѣческое*, по мѣрѣ силъ своихъ, они снова приводятъ въ единеніе и съ самимъ собою и съ Богомъ. Ибо это главное въ Спасителевомъ домостроительствѣ во плоти—привести человѣческое естество въ единеніе съ самимъ собою и со Спасителемъ и, *истребивъ лукавое разсѣченіе, возстановить первобытное единство*, подобно тому какъ наилучшій врачъ цѣлительными средствами вновь связываетъ тѣло, расторгнутое на многія части".

Какъ видите, въ вышеприведенныхъ разсужденіяхъ мы ничего не сказали отъ себя: св. Василій Великій говоритъ о томъ, во-первыхъ, что человѣческое естество было едино до паденія; во-вторыхъ, что паденіемъ, или грѣхомъ, оно было разсѣчено; въ-третьихъ, что ангелы, не впадшіе въ грѣхъ самолюбія и непослушанія, сохранили это единство естества своего неповрежденнымъ; въ-четвертыхъ, что Спаситель пришелъ возстановить это единство въ падшемъ человѣческомъ родѣ; въ-пятыхъ, что сіе возстановленіе выражается въ освобожденіи людей отъ себялюбія, раздоровъ и упрямства и въ возстановленіи въ сердцахъ ихъ Христовой любви и послушанія, и, въ-шестыхъ, что Божественное искупленіе заключается, главнымъ образомъ, именно въ

возстановленіи сего новоблагодатнаго единенія любви и послушанія людей съ Богомъ, со Спасителемъ и между собою. Теперь продолжимъ наше разсужденіе.

Частнѣйшія опредѣленія Церкви. Мы сказали, что это возстановленное Христомъ единство естества вѣрующаго человѣчества и есть Церковь. И какъ первое богозданное единство естества было не отвлеченнымъ понятіемъ, а реальною живою силою, которая постоянно давала себя чувствовать въ человѣческомъ сердцѣ, во множествѣ святыхъ, исполненныхъ любви склонностей, такъ и Церковъ не есть просто сумма множества отдѣльныхъ людей, ни правовое или правительственное учрежденіе. Прежде всего, она есть принесенная Христомъ жизнь, благодатная и святая, которая нерушимо и непоколебимо будетъ существовать на землѣ до второго пришествія Его, ограждаемая отвнѣ извѣстными опредѣленными формами, но проявляющаяся прежде всего въ святыхъ и умиленныхъ чувствахъ вѣры, покаянія, духовной радости, чистоты и любви, которыя находитъ въ своемъ сердцѣ каждый облагодатствованный человѣкъ, не какъ плоды, вырощенные усиліемъ его воли въ его собственной личности, но какъ свойства иной, отвнѣ поданной ему, природы,—природы того

Новаго Человѣка, въ котораго онъ облекся крещеніемъ. Его дальнѣйшая задача будетъ заключаться лишь въ томъ, чтобы эти святые зачатки спасенія, данные ему отъ Бога, эту жизнь возстановленнаго естества, эту жизнь Церкви, подвигомъ своей личной свободы охранять и умножать, а противную ей жизнь ветхаго человѣка распинать и изгонять.

Конечно, этотъ подвигъ—болѣе трудный, чѣмъ тотъ, который предлежалъ бы не падшему человѣчеству, но все-таки при такомъ представленіи дѣла намъ становится вполнѣ понятнымъ, почему упомянутые нами выше типы мучениковъ, преподобныхъ и святителей совмѣщали въ себѣ и неподражаемыхъ гигантовъ воли и въ то же время устремлялись къ постоянному подавленію въ себѣ всякаго самоутвержденія, всякаго самолюбія, всякаго отстаиванія своего „я“. Отсюда намъ понятно, почему и Павелъ, подвизавшійся, по его собственному увѣренію, больше всѣхъ учениковъ Христовыхъ, говоритъ, что онъ уже не живетъ, что онъ распялъ себя, а живетъ въ немъ Христосъ, что трудился въ Церкви не онъ, а благодать, которая въ немъ [1]). Это

[1]) Благодатью на библейскомъ и церковномъ языкѣ называется иногда самое существо церковной жизни, иногда плоды сей жизни въ душѣ хри-

внѣдреніе новой природы (благодати) въ душу каждаго христіанина происходитъ не столь непосредственно, какъ развитіе человѣческой личности невиннаго Адама, но, прежде всего, чрезъ *сознательное* усвоеніе жизни Христовой, или *христіанства*, а затѣмъ и чрезъ иное, таинственное, внѣдреніе новоблагодатнаго церковнаго естества въ нашу личность.

Господь и апостолы указываютъ и на тотъ и на другой равно необходимые способы облагодатствованія христіанина. Когда они говорятъ о возрожденіи или объ очищеніи нашей природы чрезъ *слово* ученія, то они разумѣютъ сознательное проникновеніе новою жизнью, описанною въ Божественномъ ученіи (Іоан. XV, 3; Петр. I, 23; Евр. X, 22). Съ другой стороны, кому неизвѣстны притчи Господни о безсознательномъ и таинственномъ возрастаніи въ душѣ вѣрующаго благодатнаго сѣмени новой природы? Оно подобно тому, какъ если-бы какой человѣкъ бросилъ сѣмя на поле, а потомъ спокойно проводилъ дни свои, а солнце и вѣтеръ уже безъ его усилій выращивали зелень и наливали колосъ; оно подобно закваскѣ, поднимающейся въ темной

стіанина, иногда то Божественное дѣйствіе, чрезъ которое насаждается эта сила новой жизни въ душѣ человѣка.

печи. Оно неуловимо, какъ мѣсто зарожденія вѣтра, по слову Господню къ Никодиму.

Посему Церковь не есть ни просто училище христіанскаго закона, ни одна лишь безсознательная благая энергія, таинственно передаваемая Христомъ въ сердца человѣческія (благодать), но такая именно энергія, содержимая и распространяемая сознательнымъ началомъ, или *обществомъ*. Отсюда можно дополнить обычный пробѣлъ въ опредѣленіи Церкви, какъ общества ли, или какъ тѣла,— тотъ пробѣлъ о *назначеніи Церкви*, который мы отмѣтили выше. Именно, при всякомъ опредѣленіи Церкви должно указывать на то, что Церковь имѣетъ назначеніе, во-первыхъ, охранять неповрежденнымъ сознательное содержаніе новоблагодатной жизни, т.-е. Божественное ученіе, во-вторыхъ, распространять его среди невѣрующихъ и, въ-третьихъ, возводить вѣрующихъ къ полному проникновенію этой жизнью, или къ полному духовному совершенству. Приведенное апостоломъ Павломъ сравненіе Церкви съ живымъ тѣломъ охватываетъ собою весьма полно это назначеніе Церкви.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

I. Церковь 3
1. Церковь, какъ тѣло Христово 3
2. Необходимость Церкви для христіанина . 4
3. Истинная вѣра и вселенское вѣроученіе . 6
4. Праведное отношеніе къ людямъ и апостольская іерархія 6
5. Власть надъ матеріальною природою и христіанскія таинства 7
6. Святость Церкви 8
7. Для вѣры въ Церковь нужно самоотреченіе. 9
8. Божественное и человѣческое въ Церкви. 11
9. Въ какихъ осязательныхъ, видимыхъ формахъ проявляется Божественное въ Церкви? 14
10. Исторія Церкви 15
11. Церковь, какъ тѣло Христово, въ вѣкъ Апостольскій 17
12. Необходимость развитія, осложненія въ Церкви 19
13. Развитіе Церкви не противно существу Церкви 22
14. Какъ познаемъ истину въ Церкви? . . . 24
15. Каѳоличность, какъ признакъ Божественности въ Церкви 25

Стр.

16. Каѳоличность и Божественность іерархіи. 27
17. Устраненіе человѣческаго себялюбія при іерархическомъ строѣ. 28
18. Каѳоличность и Божественность церковной истины 30
19. Опредѣленія вселенскихъ соборовъ . . . 31
20. Когда представители Церкви образуютъ вселенскій соборъ 32
21. Значеніе христіанскихъ истинъ 33
22. Каѳоличность и Божественность таинствъ. 34
23. Заключеніе. 38

II. Нравственная идея догмата Церкви. 41

1. Церковь, какъ новое, единственное бытіе на землѣ 42
2. Церковь есть подобіе Тройческаго Божественнаго бытія. 44
3. Почему бытіе Церкви непонятно для ветхаго человѣка? 45
4. Гдѣ возможно гармоническое сочетаніе любви къ другимъ съ чувствомъ личности? 48
5. Церковь и личность 50
6. Частнѣйшія опредѣленія Церкви 56

БИБЛІОТЕКА
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМІИ

Религіозно-философская Библіотека.

Выпускъ I-й: Религіозно-философской Библіотеки: *„Забытый путь опытнаго Богопознанія“*, изд. 2-е. *М. А. Новоселовъ*. Цѣна *25* коп., съ перес. *30* коп.

Выпускъ II-й: *Исканіе Бога*. Сборникъ. *Оо. Николя, гр. М. М. Сперанскій, еп. Игнатій Брянчаниновъ и др.*, изд. 2-е. Цѣна *25* коп., съ перес. *30* коп.

Выпускъ III-й: *„Вѣчная жизнь какъ высшее благо“*. Изд. 2-е. Цѣна *30* коп., съ перес. *35* коп.

Выпускъ IV-й: *„Соціальное значеніе религіозной личности“*. Сборникъ. *Влад. Соловьевъ, Гербертъ Спенсеръ, Достоевскій, Герценъ, Тихомировъ*. Цѣна *50* к., съ перес. *55* коп.

Выпускъ V-й: *„Личность, общество и церковь“*. *Л. Тихомировъ*. Цѣна *30* коп., съ перес. *35* коп.

Выпускъ VI-й: *„Изъ разговоровъ о войнѣ“*. *М. Новоселовъ*. Цѣна *10* коп., съ перес. *15* коп.

Выпускъ VII-й: *„Значеніе свободнаго слова для личности, общества и церкви“*. Сборникъ. *А. С. Хомяковъ, К. и И. Аксаковы, Влад. Соловьевъ*. Цѣна *20* к., съ перес. *25* коп.

Выпускъ VIII-й: *„О цѣли образованія“*. Сборникъ. *Н. И. Пироговъ, Л. Толстой, проф. В. Несмѣловъ, К. Ушинскій, Амосъ Коменскій*. Цѣна *30* коп., съ перес., *35* коп.

Выпускъ IX-й: *„Альтруизмъ и христіанская любовь“*. *Л. Тихомировъ*. Цѣна *15* коп., съ перес. *20* коп.

Выпускъ X-й: *„Религія и нравственность“*. Сборникъ. *Л. Толстой*, проф. *Кудрявцевъ-Платоновъ*, проф. *Гусевъ* и др. Цѣна *30* коп., съ перес. *35* коп.

Выпускъ XI-й: *„Нравственный смыслъ основныхъ христіанскихъ догматовъ“*. Архіеп. *Антоній (Храповицкій)*. Цѣна *25* коп., съ перес. *30* коп.

Выпускъ XII-й: *„Что такое Библія“*. Цѣна *25* к. съ перес. *30* коп.

Выпускъ XIII-й: *„Какъ читать Библію“*. Цѣна *35* к. съ перес. *40* коп.

Выпускъ XIV-й: *„Смыслъ міровой исторіи“*. *Влад. Соловьева*. Цѣна *15* коп., съ перес. *20* коп.

Выпускъ XV-й: *„О самопознаніи“*. Джонъ Месонъ. *Проф. В. Н. Карповъ*. Цѣна *20* коп., съ перес. *25* к.

Выпускъ XVI-й: *Первоначальная христіанская церковь въ Іерусалимѣ. Ѳ. Самарина*. Цѣна *25* коп.

Выпускъ XVII-й: *„О церкви“*. *Огюста Николя*. Цѣна *30* коп.

Выпускъ XVIII-й: *„О благодати и таинствахъ“*. *Ог. Николя*. Цѣна *20* коп.

Изданія

Религіозно-философской Библіотеки:

I. О возрожденіи Русской церкви.

Сборникъ: *А. А. Папковъ. Н. А. Заозерскій. А. М. Иванцовъ-Платоновъ. Еп. Порфирій Успенскій. Н. П. Аксаковъ. А. П. Лебедевъ. Д. Синицкій. М. А. Новоселовъ.*

Цѣна *50* коп. съ перес. *60* коп.

II. Высшее церковное управленіе въ Россіи.

Сборникъ: *Влад. Соловьевъ. И. С. Аксаковъ. Л. А. Тихомировъ. А. М. Иванцовъ-Платоновъ.*

Цѣна *40* коп., съ перес. *50* коп.

III. Собраніе академическихъ лекцій и статей по пастырскому богословію.

Архіепископа *Антонія (Храповицкаго)*.

Цѣна *80* коп. съ пер. *90* коп.